

УДК 801.6

А.А. Васильева

ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О. МАНДЕЛЬШТАМА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Томский государственный педагогический университет

Ученые на протяжении долгого времени ищут (и находят) закономерности в текстовой деятельности и текстовой организации. Логические закономерности текстопорождения известны еще со времен Аристотеля. Закономерности же ассоциативного структурирования, проявляющие себя в организации и моделях ассоциативного развертывания текстов и типах ассоциативной структуры, еще не являлись объектом специального изучения. Теория текстовых ассоциаций дает возможность осуществить подобное исследование, для чего необходимо реконструировать возможные ассоциации на основе заключенных в тексте ориентиров (единиц, структур и т.д.). Вследствие этого особую важность приобретают изучение текстовых ассоциатов и конкретизация методики их выявления в тексте.

Если посмотреть на весь спектр возможных ассоциатов, связанных с текстом, то можно обнаружить *три уровня ассоциативного контакта автора и читателя на основе художественного текста* (по степени представленности ассоциатов и возможности их обнаружения) [1].

1-й уровень: текстовые ассоциаты, *полностью* вербально материализованные в лексической структуре текста.

2-й уровень: текстовые ассоциаты, *частично* материализованные в лексической структуре текста и «достаиваемые» в сознании читателя благодаря «опорным элементам» и «словам-маркерам» (термины Н.С. Болотновой).

3-й уровень: ассоциаты, возникшие в сознании читателя, *не присутствующие* в тексте, но относящиеся к нему и обусловленные самим текстом как стимулом.

В полной мере *текстовыми* можно считать ассоциаты первого уровня – эксплицированные текстовые ассоциаты, ассоциации-экспликации в терминологии Л.А. Климовой. Им противопоставлены ассоциаты третьего уровня, которые условимся называть «*вне-текстовыми*». Ассоциаты второго уровня выступают промежуточным звеном, служат своеобразной точкой соединения текстовых и внетекстовых ассоциаций, хотя по способу выявления относятся к текстовым – это *имплицитные* текстовые ассоциаты [2].

Все три вида ассоциатов, связанных с текстом,

участвуют в организации его ассоциативной структуры, а также отражают особенности идиостиля автора [3–5].

Внетекстовые ассоциаты возникают в сознании читателя как реакции на весь текст в целом, часто отражают его идею [6–9]. Поскольку «познавательная деятельность адресата имеет ассоциативно-образный характер», «текст, его элементы и структура являются объектом – стимулом этой деятельности» [6, с. 9]. Внетекстовые ассоциаты коррелируют с имплицитными текстовыми ассоциатами на том основании, что они возникают уже в сознании воспринимающего текст читателя (исследователя). Отличаются же они друг от друга разным способом их стимулирования. Если имплицитные ассоциации исследователь достраивает на основе соответствующих текстовых маркеров, то внетекстовые ассоциаты могут быть получены путем эксперимента с информантами и соотносятся с понятием «ассоциативное поле текста». Вслед за Н.С. Болотновой [6, с. 10] мы определяем его как «систему порожденных текстом в сознании адресата ассоциаций». Понятие ассоциативного поля текста является одним из важных и активно разрабатываемых понятий в коммуникативной стилистике текста, «нацеленной на повышение эффективности речевого общения и текстовой деятельности» [9, с. 142].

Ассоциативное поле текста «включает как реакции на весь текст в целом, так и реакции на отдельные элементы текста (словные и сверхсловные единицы), актуализированные автором» [6, с. 11–12]. «Текст отражается в ассоциативном поле во всей его сложности, многоаспектности и разнообразии: в ассоциативном поле текста фиксируются его тема, идея, художественные особенности, эмоциональная тональность, образный строй, прагматика» [9, с. 142].

Нами был проведен эксперимент, в котором участвовали 54 студента 1 курса факультета психологии, связей с общественностью и рекламы Томского государственного педагогического университета и 84 студента 5 курса филологического факультета Томского государственного педагогического университета, с целью выявления ассоциаций, обусловленных целым текстом как стимулом, и последую-

ющего моделирования на их основе направлений ассоциирования (блока или группы ассоциаций, актуализирующих определенный смысл/микросмысл). Участникам было предложено фиксировать возникающие в их сознании ассоциации на отдельные стихотворения О. Мандельштама (всего в эксперименте информантам было предложено в качестве стимулов 9 стихотворений автора). При отборе текстов для эксперимента мы руководствовались следующими критериями: принадлежность стихотворений разным периодам творчества автора; различный уровень сложности глубинного смысла.

Рассмотрим в качестве примера стихотворение «Я вздрагиваю от холода...», предложенное информантам в качестве стимула:

*Я вздрагиваю от холода –
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото –
Приказывает мне петь.*

*Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь.
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!*

*Так вот она, настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!*

*Что, если вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда?*

На это стихотворение нами получено ассоциативное поле текста, насчитывающее 131 реакцию информантов. Последующая систематизация ассоциативного поля заключается в группировке ассоциатов по направлениям ассоциирования, соотносящихся с определенным общим смыслом (микросмыслом). В процессе анализа полученных данных были выявлены следующие направления ассоциирования.

Первое направление ассоциирования «**космос, вселенная**» представлено реакциями: «что-то всеобъемлющее, далекое, холодное, чуждое человеку», «неприятности космического плана», «космос» (2), «вселенная» (4), «огромное пространство (космос) и мелкие обрывки», «небесный мир», «о нашем одиночестве во вселенной», «беспомощность человека в этом огромном пространстве», «взгляд на звездное небо не со стороны земли, а из вселенной: звезды, земля и другие планеты – бесконечность». К нему примыкают другие направления

ассоциирования: 1) «**небесный мир (бог)**», представленное реакциями «божьи законы, которые карают», «кара божья», «бог во всем мире»; 2) «**иной мир**» и «**вечность**». Направление ассоциирования, актуализирующее концепт «**хаос**», представлено ассоциатами: «хаос» (3), «хаос мира», «паника». Еще одно направление ассоциирования – «**любовь**» – эксплицируют ассоциаты: «золото любви», «несчастливая любовь», «любовь и смерть», «разлука».

Следующее направление ассоциирования обозначим как «**внутреннее состояние человека** (или душевные переживания героя)». Спектр входящих в него ассоциаций широк, но заметим, что в целом они отражают одно и то же чувство: «чувство боли и щемящей тоски», «укол булавкой в сердце», «разочарование» (3), «горе», «беда» (2), «музыкант горюет», «одиночество» (5), «грусть» (3) «тоска» (5), «страх» (7), «страх перед вселенной», «опустошенность» (2), «предчувствие», «боль» (2), «неопределенность», «тревога» (3), «скука», «слезы». К этому направлению примыкают ассоциации «надежда на спасение», «стремление, желание чего-то лучшего (и отсутствие)», «человек хочет покоя, но ему мешают». С данным направлением ассоциирования контрастирует реакция «**покой**».

Несколько ассоциативных реакций объединяются в направление, условно названное нами «**отношение к жизни**»: «желание возвыситься над бренной жизнью», «иногда не хочется жить...», «вечная красота земной жизни на земле», «иногда не хочется жить, но мир, природа, небо призывают остаться», «нежелание что-либо делать, творить, но осознание необходимости этого заставляет тебя подниматься, какие-то внутренние силы помогают жить дальше», «отрешенность от жизни, но что-то помогает жить дальше», «мимолетность жизни, пестрота», «мысль о том, что останется после», «краткость, неопределенность жизни».

У многих информантов ассоциативно **возникли сходные образы** (референтные ассоциации), часть из которых соотносится с направлением ассоциирования «космос»: «ночь, небо, звезды», «морозная ночь, звездное небо», «август, ночь, когда в небе миллиарды звезд», «темная улица, мерцание звезд», «холодная морозная ночь, ветер, одинокий человек у окна». «**Холод**» («холод» (9), «холодно» (2), «вьюга», «зима» (2), «морозная ночь», «холодный морозный ветер») и «**ночь**» (6) выделяются в самостоятельные направления ассоциирования. По контрасту с направлением «**ночь**» возникает ассоциация с «**солнцем**». Отметим также, что у некоторых информантов возникли ассоциации с разными временами года: «**осень**» («осень» (3), «поздняя осень»), «**зима**» (ср. ассоциаты, связанные с направлением ассоциирования «холод»), «**лето**» («август» (2)).

Ассоциаты «музыка» (5), «настроение», «творчество» (3), «музыкант (горюет)» тяготеют к такому направлению ассоциирования, как **«творчество»**, к нему же примыкает возникшая в сознании информантов реакция «судьба поэта». С этой последней ассоциацией соотносится реакция «смысл существования». Отметим также единичные реакции **«сон»**, **«смерть»**, **«игра»**, **«загадочность»**, рассматриваемые нами как потенциально возможные направления ассоциирования. Среди нетипичных, нестандартных образных ассоциаций, связанных с текстом, возникли реакции «вальс под ледяным дождем», «игла потери».

Обращает на себя внимание тот факт, что у информантов в качестве реакций на один и тот же текст возникали *контрастные, антонимичные, противоположные* ассоциации. Тексты О. Мандельштама часто предполагают возникновение в сознании читателя противоположных, взаимоисключающих направлений ассоциирования (ср., например, реакции: «вечная красота земной жизни» – «отрешенность от жизни»; «мимолетность жизни, пестрота» – «смерть»; «неприятности космического плана», «хаос» – «вечная красота земной жизни» и т.д.). Это соединение автором противоположных, подчас взаимоисключающих понятий улавливают и читатели: в широком спектре читательских реакций на данный текст выделяется *особое направление ассоциирования*, условно обозначенное нами как **«единство/двойственность»**: «добро и зло», «любовь и смерть», «земля – небо», «огромное пространство (космос) и мелкие обрывки», «великое – обыденное», «необъятность в малом», «темнота и где-то вдали луч света, человек идет на этот свет». Здесь вспоминается статья Л.С. Выготского (см., например, [11]), посвященная исследованию рассказа И. Бунина «Легкое дыхание». В стихотворении мы видим «переизбыточность», накопление признаков «холода», опустошенности, тревоги, какой-то действительно глобальной беды (ср. читательскую ассоциацию «неприятности космического плана»), ощущение глобального космического «холода», экзистенциального «одиночества» и «беспомощности человека в этом огромном пространстве». В тексте нет ни одного самостоятельного лексического элемента или микроструктуры, которые могли бы явиться стимулами для возникновения «оптимистичных» реакций, связанных с «надеждой на спасение», «человеком, идущим на свет из темноты», «покоем» и «вечной красотой жизни», но, тем не менее, они, как «легкое дыхание», пробивающееся сквозь «житейскую муть», на ассоциативном уровне «просвечивают» через семантику «холода», «страха», «неопределенности», актуализированную в лексической структуре анализируемого текста.

Если попытаться соотнести полученные ассоциаты с возможными стимулами, то увидим, что для некоторых направлений ассоциирования можно безошибочно установить исходный текстовый стимул, для иных – с долей вероятности, для части – с еще большей долей условности, а для большинства реакций невозможно найти стимул – его прямого вербального выражения в лексической структуре текста не существует.

Так, например, наиболее полно представленное направление ассоциирования «космос, вселенная» (с примыкающими к нему направлением «небесный мир» и «иной мир») стимулируется парадигмой контекстуальных синонимов, последовательно эксплицированных в каждой из микроструктур текста: «в небе» – «с тусклой планеты» – «с таинственным миром» – «звезда». Доминирование данного направления ассоциирования объяснимо многократной актуализацией, усилением в тексте смыслового признака-стимула. Стимулом к возникновению реакции «вечность» может стать сочетание «мерцающая всегда». У такого направления ассоциирования, как «любовь», отсутствуют какие-либо вербально выраженные стимулы в лексической структуре текста. Важно, что реакций, тем или иным образом актуализирующих смысл «любовь», оказалось несколько, поэтому рассматривать их в качестве «побочного продукта» – единичной, субъективной читательской ассоциации, которая может и не соотноситься с текстом, мы не можем.

Поиск текстовых единиц и структур, послуживших стимулом к возникновению некоторых читательских реакций, нередко подтверждает хрестоматийный тезис о том, что чтение – это сотворчество. Например, найти в тексте исходные стимулы для возникновения таких реакций, как «хаос мира», «золото любви», «вечная красота земной жизни», «мимолетность жизни, пестрота», для исследователя становится задачей, по сложности сопоставимой с анализом исходного авторского текста.

Направления ассоциирования различаются и по полноте (или же степени представленности ассоциатов). На этом основании все направления ассоциирования, связанные с текстом, можно условно разделить на магистральные (высокочастотные, «типовые» для данного текста) и сопутствующие (средне- и низкочастотные). Данный факт подтверждает точку зрения Н.С. Болотновой о наличии у **ассоциативного поля текста** ядерной и периферийной частей [6, с. 13]. Так, например, направление ассоциирования «космос, вселенная» насчитывает 13 реакций (о стимуле его возникновения говорилось выше), направление «холод» – 16 (исходное слово-стимул («мне холодно») заявлено в самом начале стихотворения и находится в сильной позиции). Самым обширным в нашем случае оказалось

направление ассоциирования «внутреннее состояние человека» (в него входят в общей сложности 44 реакции), стимулированное общей эмоциональной тональностью стихотворения.

Разделяя мнение Н.С. Болотновой о том, что к ядерным реакциям, формирующим высокочастотные, магистральные направления ассоциирования, принадлежат ассоциации «соотносящиеся с темой произведения или его идеей, а также с эмоциональной тональностью» [6, с. 14], мы считаем, что ядро и периферия текстового ассоциативного поля (магистральные и сопутствующие направления ассоциирования) дифференцируются и по отношению к своим потенциальным стимулам – элементам структуры текста. Как показывают наблюдения, направление ассоциирования является магистральным, если в тексте можно четко установить стимул к его возникновению [10, с. 91–95], и, наоборот, направление ассоциирования является сопутствующим, периферийным, если в тексте невозможно объективировать его стимул. Вместе с тем часто именно периферийные направления ассоциирования наиболее ярко отражают основную идею стихотворений О. Мандельштама (в данном случае идею двойственности человеческой жизни).

Рассмотрим результаты эксперимента по восприятию стихотворения «Отчего душа так певуча...»:

*Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм – только случай,
Неожиданный Аквилон?*

*Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою,
И совсем не вернется – или
Он вернется совсем другой.*

*О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края –
И несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».*

*Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?*

При работе с этим текстом информанты испытали затруднения, в результате было получено всего 58 реакций.

Магистральными направлениями ассоциирования оказались: 1) направление ассоциирования «**душевные переживания**», которое образуют ассоциа-

ты: «тоска» (2), «философская тоска», «печаль» (2), «безысходность». Оно тесно соотносится с более общим направлением «**существование человека в этой жизни и размышления о ней**»: «неопределенность» (2), «сомнение в реальности своего существования», «познание», «вопросы», «вопрос», «размышления о мире», «бытие» (2), «человек в мире», «человек», «одиночество», «все в мире зыбкое, проходящее», «размышления о потоке жизни, изменчивость», «восприятие жизни такой, как она есть, как она дана», «разочарование в существовании», «мир – игра, нам только кажется, что мы живем в мире «взрослых», «серьезных» людей, но это не так». Данное направление ассоциирования стимулируется общей эмоциональной тональностью текста;

2) наряду с этим в реакциях на текст возникает противоположное направление ассоциирования – «**смерть**», стимулированное соответствующим словом, находящимся в сильной позиции в конце стихотворения: «смерть» (2), «жажда смерти», «ожидание смерти»;

3) реакции «ветер» (2), «лес», «море», «природа», «судьба природы» эксплицируют направление ассоциирования «**природа**», исходными стимулами к возникновению которого явно являются текстовые слова и сочетания «ветер», «подымет облако пыли», «зашумит листвою», «морские края»;

4) направление ассоциирования, отражающее основную тему стихотворения, – тему «**творчества, поэзии**», фиксируется лишь в реакциях «Есенин», «автор и его мировоззрение» и не является основным. Стимул «бумажная листва» вызвал реакцию «макет дома и сада из бумаги», скорее, соотносящуюся с ассоциатами «сомнение в реальности своего существования», «мир – игра...» и косвенно с направлением «**ирреальное**», в которое кроме него входят реакции «мираж», «видение», «грезы», «иллюзия», «мечта».

К направлениям ассоциирования, не имеющим видимого стимула в тексте, относятся: 1) направление ассоциирования, условно названное нами «**заточеньем**», представленное реакциями «клетка», «жажда свободы»; 2) направление ассоциирования «**любовь**», которое отражают реакции: «любовь» (2), «разлука», «ожидание, любовь»; реакция «**вечность**», 3) направление ассоциирования «**жизнь**» («жизнь» (2), «жизнь человека», «жажда жизни»); 4) направление ассоциирования «**двойственность**»: «повторяющийся круговорот: весна – лето – осень – зима; жизнь – смерть и т.д.», «жизнь – смерть, мужчина – женщина, любовь – разлука». Сюда примыкает единичная реакция «мир и колокол». Очевидно, что у информантов возникают реакции, совмещающие, синтезирующие разные микросмыслы или же сразу несколько микросмыслов, однако установить, на основе каких текстовых стимулов они возникли, затруднительно.

Рассмотрим на примере ассоциации «вечность» возможность поиска исходных стимулов для подобных реакций.

Реакция «вечность» гипотетически может соотноситься с тремя направлениями ассоциирования («существование человека в этой жизни», «смерть», «природа»). Вербально выраженных стимулов для ее возникновения в тексте нет. Можно предположить, что она могла возникнуть либо в контексте одного из данных направлений, соотносясь с их стимулами, либо быть обусловленной общим ассоциативным сближением в сознании читателя этих (а может, и иных) направлений ассоциирования. В данном случае исследователю не на что опираться. Если в поиске имплицитных ассоциаций мы ориентируемся на конкретное слово (стимул) и выявляем реакции на основе его коммуникативного потенциала (формальный, формально-семантический, семантический критерии), то, двигаясь в ином направлении (от реакции в поисках подходящего для нее стимула), мы вынуждены признать, что не можем объективировать этот процесс. Вернее, мы можем проделать лишь известную нам часть этого пути (от реакции к слову – элементу лексической структуры текста), но объективных возможностей соотнести реакцию с действительным стимулом у исследователя-лингвиста нет. Как в случае реакции «вечность», встречаясь с подобными трудностями в определении исходного стимула, мы вступаем в зыбкую область вероятности и субъективного домысла, что противоречит критериям истинности и объективности научного исследования. Корректнее считать, что такого рода ассоциации выступают реакциями на весь текст как стимул, включая его формальную организацию. Поэтому есть основания утверждать, что эксплицированные и имплицитные ассоциации прямо связаны с лексической структурой текста, а внетекстовые соотносятся с ней опосредованно, косвенно мотивируются ею. Продвигаясь в анализе от эксплицированных текстовых ассоциатов к имплицитным и внетекстовым, мы наблюдаем постепенное удаление от лексической структуры текста и переход в систему субъективных читательских ассоциаций.

Итак, направления ассоциирования, моделируемые на основе внетекстовых ассоциатов, способны отразить широкий и достаточно объективный спектр реакций, однако не дают представления об ассоциативном развертывании текста как процессе, о его внутренней динамике: они даны в «снятом виде» и отражают результат, «совокупный продукт» ассоциативной деятельности потенциального читателя. Среди «внетекстовых» реакций информантов существуют такие, которые либо вообще не соотносятся с *определенным* элементом или сочетанием

лексической структуры текста, либо могут одновременно быть соотнесены с *разными единицами лексической структуры* (потенциальными стимулами). Многообразие спектра читательских реакций (внетекстовых ассоциаций) объясняется тем, что разными читателями воспринимается, улавливается лишь какая-то часть из них, что в итоге приводит к формированию разных смыслов. Анализируя реакции информантов, мы обнаружили две основные *тенденции ассоциирования*, условно назвав их «путь ребенка (или творца)» и «путь взрослого». Сложный текст с эксплицированными в нем нестандартными ассоциациями ведет читателя (информанта) в двух направлениях: одно характеризуется стремлением восстановить пропущенные звенья, логические цепочки и общей ориентацией на однозначность. Другое направление связано с порождением своих нестандартных ассоциаций.

Как показали наблюдения, в процессе читательской деятельности чаще всего магистральные направления ассоциирования в стихотворениях О. Мандельштама соотносятся с общей эмоциональной тональностью текста (направление ассоциирования «внутренние переживания»), а направления ассоциирования, связанные с темой и идеей стихотворения, не всегда являются магистральными. В ассоциативной структуре текстов О. Мандельштама так или иначе отражаются направления ассоциирования, коррелирующие с их глубинным смыслом. Скорее всего, это объясняется тем, что в лексической структуре текстов О. Мандельштама отсутствуют микроструктуры, прямо эксплицирующие основную идею стихотворения. Иногда основная идея стихотворений О. Мандельштама (идея двойственности человеческой жизни) выражается наиболее ярко не в магистральных, а периферийных направлениях ассоциирования.

Для ассоциативной структуры поэтических текстов О. Мандельштама характерны следующие основные особенности.

1. Широкий спектр «однонаправленного» и «разнонаправленного» ассоциирования, актуализирующего разные микросмыслы текста и отражающего различные уровни восприятия читателями глубинного смысла.

2. Сосуществование противоположных направлений ассоциирования в поэтических текстах О. Мандельштама и возникновение в сознании читателей антонимичных, подчас взаимоисключающих ассоциативных реакций на текст.

3. Присутствие в ассоциативном поле текстов поэта особого направления ассоциирования «**единство/двойственность**», совмещающего противоположные, взаимоисключающие ассоциативные реакции.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Васильева А.А. К вопросу об ассоциативном развертывании текста и выявлении текстовых ассоциатов // *Художественный текст и языковая личность: Мат-лы III Всерос. науч. конф., посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского гос. пед. ун-та (29–30 октяб. 2003 г.)* / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2003.
2. Васильева А.А. Проблема интерпретации текста: имплицитные текстовые ассоциаты в лирике О. Мандельштама // *Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. сем. (27 апр. 2004 г.)* / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2004б.
3. Васильева А.А. О способах формирования направлений ассоциирования в лирике О. Мандельштама // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 1 (38) (серия: Гуманитарные науки (Филология))*. Томск, 2004а.
4. Васильева А.А. О двух подходах к изучению ассоциативной структуры текста // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 3 (47) (серия: Гуманитарные науки (Филология))*. Томск, 2005.
5. Васильева А.А. О некоторых особенностях идиостиля О.Э. Мандельштама (ассоциативный аспект) // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 5 (56) (серия: Гуманитарные науки (Филология))*. Томск, 2006.
6. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле слова и текста // *Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте*. Томск, 2000а.
7. Болотнова Н.С. Лексическая структура поэтического текста и его ассоциативное поле // *Русский язык в современном культурном пространстве: Мат-лы юбил. конф., посвященных 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филол. фак-та Томского гос. пед. ун-та (2–3 нояб. 2000 г.)*. Томск, 2000б.
8. Болотнова Н.С. Структура и информативные возможности ассоциативного поля художественного текста // *Актуальные проблемы рустистики: Сб. статей / Под ред. Т.А. Демешкиной*. Томск, 2000в.
9. Болотнова Н.С., Водяха А.А., Волкова П.С. и др. Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография / Под ред. В.И. Шаховского. Волгоград, 2003.
10. Болотнова Н.С. Проблема изучения идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного текста // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А., Карпенко С.М., Орлова О.В., Сыпченко С.В., Тюрина Р.Я. *Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль*. Томск, 2001.
11. Выготский Л.С. *Психология искусства*. М., 1968.

УДК 801.6

А.В. Болотнов

О НЕКОТОРЫХ ТЕКСТОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ АССОЦИИРОВАНИЯ, ОТРАЖАЮЩИХ КОНЦЕПТ ХАОС В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Томский государственный педагогический университет

В последние годы в связи с разработкой когнитивного направления современной лингвистики усилилось внимание исследователей к поэтической картине мира. И.А. Тарасова [1] трактует ее как «художественную модель мира». Л.О. Бутакова определяет как «эстетически и коммуникативно-значимое субъективно-объективное отображение динамической системы представлений, знаний и мнений об окружающей действительности в специфической форме художественного текста» [2, с. 116]. В коммуникативной стилистике текста поэтическую картину мира трактуют как «эстетическое отражение в текстовой деятельности концептосферы автора, как систему художественных концептов, вербализованных в тексте и творчестве писателя в целом» [3, с. 205].

Как определяется художественный концепт как единица поэтической картины мира автора? Л.В. Мил-

лер под художественным концептом понимает «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [4, с. 41–42]. Для нас важно, что художественные концепты «являются единицами поэтической картины мира автора, получающими образное воплощение в его текстовой деятельности» [5, с. 34].

Ученые (З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.А. Пищальникова, Н.Ф. Алефиренко и др.) выделяют разные слои концепта: понятийный, предметный (предметно-чувственное представление), образно-